

Александр Зорин. **СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ ВМЕСТО ЦАРСТВИЯ БОЖИЯ: Бабель и кризиса иудаизма в предреволюционной России. Часть первая**

«Тогда Кудря из пулемётной команды взял его голову и спрятал её у себя под мышкой. Еврей затих и расставил ноги. Кудря правой рукой вытащил кинжал и осторожно зарезал старика, не забрызгавшись. Потом он стукнул в закрытую раму.

*- Если кто интересуется, - сказал он, - нехай приберёт. Это свободно...»
(И. Бабель. «Берестечко»)*

Евреи-жертвы и евреи-победители. Те, что участвовали в революции, устанавливая новую власть. С теми и с другими Бабель был хорошо знаком. Больше, конечно, с первыми, чьей кровью пропитана его «Конармия» и некоторые другие рассказы.

Первый еврейский погром он пережил в Одессе, изобразив его глазами девятилетнего мальчика в рассказе «История моей голубятни». В России они случались и раньше, а во время революционного беспредела в южных краях стали явлением обычным. Ленин, прадед которого был еврей (Моисей Бланк), в Гражданскую войну как-то погромам противостоял и совсем не препятствовал евреям участвовать в политике. Умных, исполнительных, верных коммунистической партии, в руководстве страны их было немало. Сталин поток приостановил и погромы-репрессии негласно узаконил. Он намеревался продолжить Холокост, чтобы окончательно его завершить. Помешала внезапная смерть.

Антисемитизм в России всегда теплился, стихал, разгорался в разных слоях общества. От казака Кудри до православного священноначалия. Одна уважаемая дама, учительница, из популярного когда-то Мечёвского прихода (реконструированного) уверяла меня, что революция и то, что посыпалось за ней, -

дело рук евреев. И совсем недавно молодой человек, тоже практикующий прихожанин, загадочными путями оказавшийся в Германии, убеждал меня в том же: «Во всём виноваты евреи».

«Загадочными» - потому что умалчивал, как попал в Германию. А известно, что ФСБ и сегодня засылает своих спецов в зарубежные страны, где они успешно действуют – поддерживают российскую пропаганду, собирают информацию.

В прозе Бабеля еврейская тема очень заметна. Революция сдвинула с места многие народы. Фельдшер, срывая повязки с отмороженных ног еврея, спрашивает, скрипя зубами (рассказ «Дорога»): «Куда? Куда вас носит... Зачем она едет, ваша нация?.. Зачем мутит, турбуется...».

Бабель и сам задавал себе этот вопрос: зачем и куда? И однозначного ответа не имел. С одной стороны, видя безысходность еврейского вопроса в царской России (всевозможные ограничения действовали вплоть до 1917 года), он соглашался с теми, кто находил положительный ответ в революционном движении. А таких было внушительное множество, особенно среди молодёжи – грамотной, успевшей поучиться в гимназиях, в университетах. Даже дети раввинов не были защищены от влияния новых политических веяний. Один из них в рассказе «Сын Рабби» - член партии, призванный в действующую армию, таскал с собой дорожный сундучок, в котором перемешались портреты Ленина и Маймонида, строки древнееврейской поэзии и агитки листовок. Страницы Песни песней и заряженные патроны. Содержание сундучка полностью укладывалось в умонастроение его владельца.

А с другой стороны – грабежи, убийства, насилия. «Все говорят, что они воюют за правду и все грабят», - замечает старый еврей (Запись Бабеля в дневнике).

Новые советские порядки отменяли вековые еврейские традиции. Отныне им необязательно было следовать. Чтение Талмуда, посещение синагоги, обрезание – для молодёжи казались жалкими пережитками прошлого. Но страдали родители, старики, понимая, что их необрезанные внуки уже не будут евреями – сынами Авраама. Оставалось одно – наложить на себя руки, и так поступил Старый Шлойме из одноименного рассказа.

Бабель видит, что погромы в еврейских местечках не прекращаются. «Бей жидов, спасай Россию!» Однажды он вступился за несчастных и был зверски избит казаками. Он честно служит революции (переводчиком в ЧК, в Наркомпросе и в других советских учреждениях, корреспондентом газеты «Красный кавалерист» в Первой Конной армии), но не может понять её громогласных идей и целей. «Мы будем воевать бесконечно. Красная Армия сделалась мировым фактором» (Дневник). И тут же: «Почему у меня непроходимая тоска? Потому что далёк от дома, потому что разрушаем, идём как вихрь, как лава, всеми ненавидимые, разлетается жизнь, я на большой непрекращающейся панихиде» (Дневник). В Петрограде он чувствует «тяжкую тревогу войны и неведомо куда влекущее содрогание революции». Догадывается, что все эти сокрушительные новшества не есть революция: «Надобно хорошо рожать детей. И это – я знаю твёрдо – настоящая революция».

Хорошо рожать детей... когда - «все солдаты больны сифилисом».

В Дневнике, в синхронных записях, остались многие подробности, которым не нашлось места в художественных текстах. Но Дневник сохранился далеко не полностью. А большое повествование о ЧК, о революции, о «восстании дикой вольницы», о её зверствах и бесчеловечных победах, чему Бабель был свидетель, и вовсе исчезло в заглотах Лубянки. Многие его вещи по духу были контрреволюционными. В.П. Полонский, главный редактор «Нового мира», считал, что у Бабеля репутация «попутническая». Красный командир Семён Будённый, которого писатель никак не возвеличил в «Конармии», отомстил ему статьёй в газете, назвав «дегенератом от литературы». Писал, конечно, не командарм, полуграмотный, а какой-нибудь журналист, выполняя задание.

Бабель был хорошо образован. Детство и юность его прошли в Одессе. В городе было 30 типографий, выпускавших книги на русском и на иностранных языках, из них 5 % - на еврейском. 20 православных церквей, 8 синагог, 26 молитвенных домов. Он закончил коммерческое училище и Коммерческий институт в Киеве. Дома прилежно изучал Библию и Талмуд. Знал европейские языки, даже писал рассказы по-французски. Библию читал на иврите и хорошо в ней ориентировался. Но она не была для него кладёзем Истины, как и для многих его соплеменников.

2.

Еврейское население, отошедшее к России после III раздела Польши, проживало на территории, которая было ограничена чертой оседлости. При этом население и там ограничивалось во многих гражданских правах. Александр I, понимая опасную роль дискриминации меньшинств, создал специальную комиссию с целью облегчить положение евреев. «Просвещение, - значилось в законодательном акте, - является важным фактором решения еврейского вопроса». Оно должно «воспитывать в подрастающем еврейском поколении чувство русской гражданственности».

«Этот курс, осуществляемый на протяжении 80 лет правительствами Александра I, Николая I, Александра II, при всех его антисемитских рудиментах, в конечном итоге, сформировал у еврейского юношества стойкое стремление к европейскому образованию как одной из альтернатив своему гражданскому бесправию» (А.Е. Иванов)

Световые волны эпохи европейского Просвещения стали давно проникать и в российские пределы. По-разному адаптируясь и преломляясь в «стране рабов, стране господ».

Надёжным рычагом для адаптации евреев в русской среде было обращение их в православие. Об этом задумывался уже Иван Грозный. И проделывал это со свойственной ему проницательностью. После взятия Полоцка в 1563 году он приказал утопить в Двине всех евреев, отказавшихся креститься.

Николай I считал, что армия и «школа должны поколебать основания Талмуда». Зачисленные в рекруты еврейские мальчики (кантоницы) от 12 лет, а зачастую и младше возрастом, отсылались в Сибирь, подальше от родного языка и родных обычаев. К несогласным креститься применялись розги и пытки. Они попадали в полную зависимость сначала в крестьянские семьи до 18 лет, а потом в палочную дисциплину двадцатипятилетней армейской службы.

Александр II кантонистские батальоны отменил, но через них прошли десятки тысяч еврейских детей. Стала меняться к лучшему и регламентация некоторых законов. Увеличивалось количество евреев в университетах – Московском и Киевском.

Возникали денежные вспомоществования. Например, барон Гинзбург содержал «Общество распространения просвещения между евреями», поддерживал регулярное количество стипендиатов. Среди которых был и вольнослушатель Академии художеств скульптор М. Антокольский. Число благотворителей увеличивалось, нарастало и количество частных стипендий. Светская культура становилась всё более доступной в еврейской среде. Но при этом часто входила в конфликт с традиционным семейным укладом. Девушки, противясь обязательному браку, готовы были бежать из родного дома, чтобы получить высшее образование.

Всё больше юных иудеев стали стремиться поступить в казённые еврейские и общие с православными учебные заведения.

С.М. Дубнов – еврейский историк, публицист и общественный деятель - писал о вольном воздухе, которым повеяло в России в 70-х годах: «Наш разрыв со старым был ещё острее, чем у русской молодёжи, ибо у нас дело шло о разрушении и религиозной, и национальной связи с народом.(...) В это время я имел первый серьёзный конфликт с дедом. Больно было старику, что я его талмудическую науку забросил и предаюсь так страстно наукам, которые он без основания считал вредными для правоверия. (...) Чувявший в этом начало моего ухода от старого мира в новый, чуждый ему, полный опасностей для еврейской души».

В уездном городе, в интеллигентной еврейской семье считалось хорошим тоном иметь библиотеку русской литературы - классической и современной. Были доступны издания и либеральной прессы – «Русское слово», «Русские ведомости»...

Но «вольный воздух», тем не менее, в целом политического климата не изменил. Процентные нормы для евреев при поступлении в учебные заведения (которые коснулись и юного Бабеля), недозволенность некоторых профессий, ограничения правожительства в столицах и другие препоны всё ещё свидетельствовали о дискриминации. «Еврейская молодёжь, - считал министр просвещения П.М. Кауфман, - вступала в жизнь с чувством обиды и вражды к государственной власти. Этими озлобленными элементами пополнялась и поддерживалась революционная партия».

Всё более популярным и вынужденным становилось крещение в православие. Но мировоззрения это не касалось. Отпавшая от канонов иудаизма, молодёжь веры в христианстве не обретала. Вот мнение одного из молодых реформаторов: «Массовое крещение – болезнь века, но с ним нельзя бороться, сея рознь между и без того мало сплочёнными товарищами... Нужно проводить только профилактические меры в смысле подъёма национального сознания, создавать новую идею, всех объединяющую, взамен беспочвенной идеи религиозного единства».

И новая идея воссияла в приманчивых лучах коммунистического завтра...

(Продолжение следует)